

Чем ближе они подбирались к столице, тем чаще делали остановки. Учитывая нынешнее состояние молодого господина, кортеж двигался медленно. Вэнь Цзин, получив императорский указ, отправился вперёд, чтобы подготовить всё к их прибытию.

В это время в столице князь Хуай с энтузиазмом пил вино с Инь Юаньчэном — хотя на самом деле наслаждался процессом лишь он один. Инь Юаньчэн лишь время от времени пригублял, делая вид, что участвует в застолье.

В последние дни князь Хуай заметно похудел, но выглядел бодрым и даже утончённым. Однако по натуре он был человеком диким и беспокойным, и обязанность вовремя являться с докладами и разбирать государственные дела давалась ему нелегко — неудивительно, что он терял в весе.

— Ваше Высочество, Ваше Высочество... — евнух Ли, служивший при князе Хуае, вприпрыжку вбежал в зал. — Ваше Высочество, отличные новости! Главный евнух Дворцового управления вернулся!

— Вэнь Цзин вернулся! — князь Хуай, только что пивший с упоением, тут же поставил чашу и вскочил. — Значит, и Его Величество тоже вернулся?

— Этот слуга не знает. Этот слуга лишь видел, как главный евнух въехал в городские ворота. Он выглядел уставшим с дороги, но в остальном был в полном порядке, даже весьма бодрым, — поспешно доложил евнух Ли, одновременно помогая своему господину переодеться в придворное одеяние. Обернувшись, он увидел, что юный маркиз Инь уже исчез.

Таким образом, едва Вэнь Цзин ступил во дворец, как его тут же перехватили князь Хуай и юный маркиз. Последний вёл себя спокойно и сдержанно, сохраняя изящные манеры благородного человека.

Чего нельзя было сказать о грубоватом князе Хуае, который схватил Вэнь Цзина за плечи и стал его трясти взад-вперёд:

— Главный евнух, а Его Величество тоже вернулся?

Вэнь Цзин, которого трясли как грушу, с невозмутимым лицом ответил:

— Вернулся.

— А где он?! — глаза князя Хуая вспыхнули от радости. Наконец-то можно будет забыть об этих бесконечных унылых донесениях! В столичных увеселительных домах его уже, наверное, жаждали прелестные куртизанки!

Но Вэнь Цзин холодно и беспощадно произнёс:

— Всё ещё в пути.

— В пути... в пу-у-ути... — радость князя Хуая мгновенно испарилась, оставив лишь уныние.

В конце концов, более сдержанным оказался Инь Юаньчэн. Он мягко спросил:

— Во время поездки с Его Величеством что-то случилось, раз вы вернулись раньше?

Вэнь Цзин покачал головой:

— Ничего серьёзного. Просто Его Величество слишком долго отсутствовал в столице, и есть мелкие дела, которые этот слуга должен был вернуться решить заранее.

Князь Хуай хотел было задать ещё вопросы, но Инь Юаньчэн его остановил:

— В таком случае, господин главный евнух, прошу вас заняться своими делами.

— Зачем ты меня дёргаешь? — удивлённо спросил князь Хуай.

Инь Юаньчэн тихо усмехнулся:

— У Его Величества, разумеется, есть свои соображения. Раз уж он не пожелал о них говорить, Ваше Высочество, сколько бы вы ни спрашивали, от главного евнуха вы ничего не добьётесь.

Князь Хуай потер подбородок:

— Ты прав... Ладно, всё, хватит пить. Пошли разберёмся с этими чёртовыми докладами. А когда Его Величество вернётся, я попрошу его пожаловать тебе красавицу-маркизу — умную и образованную!

Инь Юаньчэн был озадачен. Он ведь уже обручён — с чего бы это императору даровать ему ещё одну маркизу? Князь Хуай, видимо, окончательно тронулся с ума от этих гор бумаг.

—

Путешествие продолжалось в неторопливом темпе, и, наконец, когда молодому господину исполнилось семь с половиной месяцев беременности, они добрались до столицы.

По неизвестной причине, утренняя тошнота, давно уже отступившая, снова вернулась. Обнимая слегка побледневшего молодого господина, Инь Яньцзюнь поднял руку и мягко похлопал его по спине, тихо спрашивая:

— Молодому господину всё ещё нехорошо?

Прильнув к груди даосского наставника Сюаньчэня и вдыхая прохладный аромат его тела, Сюй Яньцин почувствовал, как рвотный позыв отступает. Он слабо покачал головой:

— Всё в порядке.

Ци Чэнь забрался в карету и вновь проверил пульс молодого господина. Убедившись, что с телом всё в порядке, он наконец выдохнул с облегчением:

— Действительно, у некоторых женщин на сроке около семи месяцев тошнота возвращается. Беременность у молодого господина с самого начала протекает нестабильно — этот малыш доставляет немало хлопот.

Молодой доктор Ци был хитёр. Он то и дело намекал наставнику Сюаньчэню, как трудно протекает беременность молодого господина, особенно теперь, когда они приблизились к столице. Подобные замечания он бросал нередко.

Инь Яньцзюнь поднял глаза и без выражения посмотрел на Ци Чэня. Учитывая, что тот действительно переживал за молодого господина, он не стал заострять внимание на его вольностях и дерзости.

Зато сам Ци Чэнь вздрогнул под равнодушным взглядом даосского наставника Сюаньчэня. Он благоразумно замолчал, осознав, что действительно зашёл слишком далеко.

Чья-то рука легла на округлившийся живот молодого господина и бережно начала массировать его. Маленькая фасолинка в утробе словно пнула отца-императора. Когда Инь Яньцзюнь снова посмотрел на молодого господина у себя на руках, тот уже дремал, погружаясь в сон.

—

Вэнь Цзин уже привёл с собой несколько евнухов, чтобы встретить императорский кортеж у дворцового зала. Колесница Его Величества, не останавливаясь в столице, направилась прямо к воротам дворца.

Все дворцовые служащие опустили головы, не решаясь взглянуть лишний раз. Шторку кареты снаружи приподнял Ци Чэнь. Из кареты вышел Инь Яньцзюнь, держа на руках молодого господина.

— Устройте госпожу Чжао и молодого доктора Ци, — с холодным выражением лица распорядился Инь Яньцзюнь. — Также пригласите сюда придворного врача Ханя.

С этими словами он, не теряя ни секунды, направился внутрь, неся молодого господина в покои.

Му Ю поспешно последовал за ним, но был остановлен Вэнь Цзином:

— С юным господином Сюй что-то не так? — Если бы всё было в порядке, разве Его Величество был бы столь мрачен?

По правде говоря, Му Ю всё ещё пребывал в растерянности. Он и сам был тугодумом. Ему только-только удалось смириться с тем, что его молодой господин носит ребёнка от даосского наставника Сюаньчэня, и вот спустя всего несколько дней он внезапно узнаёт, что этот самый наставник на самом деле — нынешний император. От такого у него в ногах появлялась слабость, и хотелось немедленно пасть на колени.

Оцепенев, он повернул голову и уставился на Вэнь Цзина, облачённого в тёмно-алую, с узкими рукавами, придворную одежду с круглым воротом. Затем пробормотал:

— Наставник Вэнь Цзин... ой, простите, главный евнух Вэнь Цзин...

Вэнь Цзин, давно привыкший к характеру Му Ю, спокойно поднял руку, похлопал его по плечу и снова спросил:

— Молодой господин Сюй нездоров?

Му Ю, наконец, пришёл в себя и кивнул:

— Неизвестно почему, но за последние несколько дней у молодого господина вновь началась утренняя тошнота.

Вэнь Цзин понимающе кивнул. Неудивительно, что император выглядел так напряжённо. Он поднял руку и подозвал евнуха:

— Немедленно отправляйся в Императорскую медицинскую академию и пригласи врача Ханя. А также передай молодого доктора Ци директору академии.

— Слушаюсь, — склонил голову евнух.

Затем Вэнь Цзин повёл Му Ю во дворцовый зал. Подойдя к двери в покои, он остановился и тихо напомнил Му Ю о правилах:

— Ты — личный слуга молодого господина. Не отходи от него без особой надобности. По мелочам обращайся к дворцовым евнухам. Если будет что-то, с чем они не справятся, пусть идут ко мне.

Му Ю прилежно закивал. Хоть он и был медлителен, различать добро и зло умел. Всё, что пойдёт на пользу молодому господину, он, без сомнений, исполнит.

—

В покоях дворца Чаньсин Инь Яньцзюнь осторожно уложил молодого господина на кровать. Матрас был мягким и прохладным. Молодому господину, даже во сне, не мешала незнакомая обстановка — он лёгкой щекой прижался к подушке и заснул ещё крепче.

Взгляд Инь Яньцзюня заметно смягчился. Он медленно поднял руку, снял с молодого господина верхнюю одежду и помог переодеться в удобные спальные одежды.

Во дворце заранее охладили воздух льдом, так что, несмотря на жару и духоту снаружи, внутри было прохладно и приятно. Инь Яньцзюнь укрыл молодого господина тонким одеялом, после чего сам сел рядом на край кровати.

Благодаря подготовке, устроенной Вэнь Цзином, придворный врач Хань прибыл очень быстро. Однако, не услышав из зала ни звука, он смиренно ждал снаружи.

Прошло больше получаса, прежде чем из зала наконец прозвучал спокойный голос императора:

— Зайдите.

Врач Хань поправил одежду, вошёл в зал и почтительно поклонился императору, сидевшему у постели:

— Недостойный слуга приветствует Ваше Величество.

— Встаньте, — ответил Инь Яньцзюнь. Его взгляд, всё ещё строгий, упал на врача Ханя. — Если я не ошибаюсь, врач Хань особенно хорошо разбирается в родовспоможении и уходе за женщинами?

— Докладываю Вашему Величеству: по сравнению с другими у меня действительно есть некоторые познания в этой области, — врач Хань говорил, всё время опуская голову. В душе же он был сильно озадачен: не случится ли так, что ему доведётся увидеть... то, что видеть не положено?

Молодой господин, лежавший на кровати, сонно открыл глаза, на мгновение растерявшись, не понимая, где находится. Но увидев сидящего рядом даосского наставника Сюаньчэня, он сразу почувствовал себя в безопасности и протянул руку, потянув за рукав другого:

— Наставник...

Инь Яньцзюнь обернулся на звук и посмотрел на только что проснувшегося молодого

господина. Он взял со стоящего рядом чайного столика чашу с тёплой водой и подал её:

— Сначала выпей воды. Сейчас тебе всё ещё нехорошо?

Сюй Яньцин медленно сел и несколькими глотками осушил чашу. Только тогда его сознание прояснилось. Он покачал головой:

— Сейчас уже ничего не чувствую. Наверное, просто укачало в карете.

Этот вялый солёный окунь уже столько дней подряд тошнил, что даже сам привык и не придавал этому значения.

— Вот ты! — Инь Яньцзюнь поднял руку и мягко ущипнул молодого господина за округлившуюся щёку. В последние дни тот так сильно страдал от тошноты, что лицо его побледнело, и это по-настоящему испугало его. Теперь, когда цвет лица, наконец, пришёл в норму, Инь Яньцзюнь смог немного расслабиться.

— Я уже пригласил придворного врача Ханя осмотреть тебя. Он — самый искусный специалист по женским недугам во дворце. С этого дня он и Ци Чэнь будут заботиться о здоровье молодого господина, — голос Инь Яньцзюня был необычайно мягок. По крайней мере, по мнению врача Ханя — столь мягким он его ещё никогда не слышал.

— Угу, — лениво кивнул солёный окунь. Раз уж это ради его здоровья — конечно, он не возражал. Маленькая фасолинка в животе должна была родиться благополучно, и наставник, безусловно, всё устроит правильно.

Инь Яньцзюнь снова поднял руку и мягко потрепал его по голове, после чего спокойно велел врачу Ханю подойти и взять пульс.

Живот молодого господина уже был явно округлившимся, и любой с открытыми глазами мог понять, что это значит. Врач Хань тут же опустил взгляд, достал из ящика медицинский валик и, не думая ни о чём лишнем, приложил пальцы к пульсу... и тут же замер.

Пульс действительно был пульсом беременного. Однако человек, лежащий перед ним на кровати, несомненно, был мужчиной.

Врач Хань в оцепенении дрожащим взглядом поднял голову и посмотрел на уважаемого пациента, лежащего на кровати, — тот, с тонкими чертами лица, невозмутимо моргал ему в ответ.

— Осмелюсь спросить, врач Хань, с моим телом всё в порядке? — спросил солёный окунь, без всякого стеснения. Стыд у него давно выветрился — он просто весело глядел на ошеломлённого врача.

— Н-нет... ничего серьёзного. Видимо, утомление после долгой дороги. Пару дней отдыха — и всё пройдёт, — пробормотал врач Хань, всё ещё пребывая в состоянии, будто мир перед ним только что перевернулся вверх дном.

Сюй Яньцин снова посмотрел на сидящего у изголовья даосского наставника Сюаньчэня и снова беззастенчиво потянул его за рукав:

— Из всех, кто когда-либо щупал мой пульс, только наставник оказался самым спокойным. Неужели императоры и в самом деле настолько необыкновенны?

Инь Яньцзюнь глянул на молодого господина, лицо которого озорно светилось, и покачал головой с лёгкой улыбкой. Затем обратился к врачу Ханю:

— С этого дня врач Хань будет отвечать за здоровье молодого господина. Я также распорядился, чтобы вместе с ним в покоях дворца Чаньсин дежурил молодой медик, хорошо знакомый с состоянием молодого господина.

— Недостойный слуга принимает повеление, — лицо врача Ханя посерьёзнело, и он тут же опустился на колени.

— Пока можешь удалиться, — неторопливо махнул рукой Инь Яньцзюнь.

Врач Хань поспешно поднялся и покинул дворец Чаньсин.

Солёный окунь, опираясь на подушку, не сводил глаз с холодного и сдержанного даосского наставника Сюаньчэня, с неподдельным интересом рассматривая его.

Инь Яньцзюнь обернулся. Увидев, как молодой господин с улыбкой смотрит на него, его взгляд мгновенно смягчился:

— Чего ты улыбаешься, молодой господин?

— Я улыбаюсь, потому что Его Величество так строг и внушителен. Совсем не похож на того наставника, которого я обычно вижу! — Но будь то величие императора или мягкость даоса — всё это радовало солёного окуня, и ему хотелось поскорее спрятать этого человека себе в рукав и унести из дворца.

От слов молодого господина уши Инь Яньцзюня едва заметно покраснели, и он опустил взгляд, явно смутившись. Он взял руку молодого господина и бережно сжал её:

— Когда я взошёл на трон, мне пришлось железной рукой очистить двор от гнили. Всё-таки быть императором — это совсем не то же самое, что быть кем-то ещё.

Если бы он мог выбирать, он бы предпочёл остаться простым даосом, выросшим в монастыре.

Если бы он встретил молодого господина тогда, то наверняка бы влюбился в него с первого взгляда, отказался бы от обетов и вернулся в мирскую жизнь — только бы прожить с ним долгую и тихую жизнь.

Но будучи императором, всё стало гораздо сложнее. У молодого господина до сих пор оставалось множество сомнений, и Инь Яньцзюнь это прекрасно понимал. Однако он не хотел давить на него, веря, что всему своё время.

Сюй Яньцин кое-что слышал о прошлом императора. В конце концов, в императорской семье не было места родственной любви. Даос и впрямь вызывал жалость — такой одинокий, такой незащитный, что хотелось прижать его к себе, приласкать и поцеловать.

Инь Яньцзюнь не мог долго оставаться во дворце Чаньсин. Как только князь Хуай узнал о возвращении императора, он тут же помчался во дворец с настойчивой просьбой о приёме.

Пока его не было в столице, Инь Яньцзюнь мог поручать государственные дела князю Хуаю. Но теперь, когда он вернулся, продолжать переключать всё на плечи князя было бы уже неуместно. Тем более что в будущем случаи воспользоваться его помощью наверняка ещё

представятся. В глазах Инь Яньцзюня промелькнула тень понимания.

Солёный окунь, как обычно, ничего не понял. Он всё ещё пребывал в раздумьях о том, как же жалок этот даос. Увидев, как тот, уходя, даёт указания направо и налево, ему даже захотелось поскорее выгнать его, чтобы тот, наконец, перестал суетиться.

У дворцовых ворот показался молодой евнух с докладом:

— Главный евнух, князь Хуай настаивает на срочной аудиенции с Его Величеством.

Вэнь Цзин мельком глянул на плотно закрытые двери, в уголках глаз у него промелькнула едва заметная улыбка. Он повернулся к всполошенному евнуху и лениво пожурил:

— Зачем так спешить? Передай Его Высочеству, чтобы немного подождал. Скажи, что Его Величество только что вернулся во дворец и переодевается.

Молодой евнух, получив распоряжение, тут же повернулся и поспешил обратно в Кабинет правления.

Понимая, что молодой господин обычно нетерпелив, Инь Яньцзюнь лишь погладил его по щеке:

— Если вдруг что-нибудь случится — просто обратись к Вэнь Цзину.

— Разве наставник не берёт главного евнуха с собой, когда занимается делами? — солёный окунь и правда не хотел, чтобы из-за него Вэнь Цзин лишился положения.

— Сейчас ничего срочного. Если молодой господин устанет, поспи ещё немного. Императорская трапеза скоро будет доставлена во дворец Чаньсин, — Инь Яньцзюнь говорил мягко, с теплом в голосе. Вспомнив о князе Хуае, ожидающем в Кабинете правления, он наконец поднялся и направился к выходу.

Снаружи его уже ждал Вэнь Цзин. Лёгкая теплота, ещё мгновение назад сквозившая в голосе Инь Яньцзюня, тут же сменилась холодной отстранённостью — именно такого императора знал Вэнь Цзин.

— Пока оставайся здесь и присматривай за молодым господином. Если чего-то будет не хватать — немедленно устрани, — медленно приказал Инь Яньцзюнь.

Вэнь Цзин поёжился, опустил голову и покорно принял приказ, провожая императора взглядом, пока тот не исчез за воротами дворца Чаньсин.

Молодой господин, который к тому моменту уже выспался, естественно, больше не чувствовал усталости. Он сам оделся, вышел из комнаты и огляделся. Возможно, из-за его особого положения слуг во дворце Чаньсин было не так уж много.

— Молодой господин, вы уже встали! — Му Ю подбежал к нему и с воодушевлением указал на задний двор. — Молодой господин, вы не поверите! Там, во дворе, есть беседка, почти такая же, как у нас в деревне семьи Сюй!

Сюй Яньцин тогда ещё спал, когда даосский наставник Сюаньчэнь принёс его в Чаньсин. Лишь теперь он по-настоящему разглядел каждый кирпич, каждую черепицу, каждое растение и дерево в этом дворце.

Следуя за Му Ю, солёный окунь неторопливо вышел в сад. Во дворе росло вечнозелёное дерево с густыми ветвями, отбрасывающее густую тень. Рядом с деревом стояла беседка, внутри — просторный и роскошный шезлонг, а поблизости — стол и несколько стульев. Всё это и правда чем-то напоминало их маленький дворик в деревне семьи Сюй.

— У главного евнуха и правда чуткое сердце, — приподняв бровь, Сюй Яньцин повернулся к Вэнь Цзину, следовавшему за ним. — Хотя, по сути, именно из-за меня наставник оставил вас тут. Главный евнух не сердится на меня за это?

На лице Вэнь Цзина тут же появилась тёплая улыбка:

— Молодой господин как всегда умеет пошутить. Служить при вас — большая удача для Вэнь Цзина. Если молодой господин проголодался, я распоряжусь, чтобы на кухне поторопились.

Солёный окунь лениво потянулся. После нескольких дней в карете всё тело ныло от усталости:

— Ладно, давай поедим!

Императорская еда, разумеется, была изысканна и по-настоящему вкусна. Помимо неё, среди блюд были и лечебные блюда, приготовленные лично тётушкой Чжао. А когда пришло время обеда, откуда ни возьмись, появился Ци Чэнь — взволнованный и сияющий.

— Что, по дороге золото нашёл? — даоса всё равно рядом не было, так что солёный окунь пригласил всех есть с ним.

Ци Чэнь поспешно замотал головой:

— Нет-нет, вовсе нет! Просто благодаря покровительству молодого господина меня назначили самым молодым врачом Императорской медицинской академии!

Это было великое достижение, достойное почёта всего рода, и Ци Чэнь не скрывал своей радости.

— Тск-тск-тск, впечатляет, — солёный окунь нарочито покачал головой, подражая Ци Чэню, и вздохнул. Люди с амбициями, конечно, достойны уважения. Но сам он — солёный окунь, и ему не было ни малейшего желания меняться.

После обеда вялый солёный окунь уселся за письменный стол, взял кисть и чернила. Его нежное личико тут же исказилось страдальческой гримасой.

Му Ю стоял на коленях рядом, растирая тушь для своего господина, и, заметив его страдальческое выражение, с недоумением спросил:

— Молодой господин, что случилось?

— Му Ю, если отец с матерью узнают, что я вернулся в столицу и сразу же поселился во дворце... как думаешь, они ворвутся с мечами и изрубят меня? — Сюй Яньцин ещё до возвращения отправил родителям письмо, и сейчас те, вероятно, уже его получили.

Лицо Му Ю тоже вытянулось. Он неуверенно ответил:

— Маркиз вряд ли зайдёт так далеко... Всё же у молодого господина теперь есть покровитель. Молодой господин ещё и в положении, тело сейчас особенно уязвимо... даже если маркиз захочет поднять руку, не выберет же он именно этот момент.

— Точно! У меня теперь тоже есть покровитель! — солёный окунь хлопнул в ладоши, словно приободряя сам себя. Даос ведь не позволит, чтобы его отец избил его прямо на глазах!

Хозяин и слуга немного поговорили каждый о своём, не особенно понимая друг друга. В итоге солёный окунь вновь взял кисть и с размахом написал письмо размашистым, будто парящим драконом, почерком.

— Отдай это письмо главному евноху, пусть доставит его в поместье маркиза. Чую, бабушка с матушкой уже завтра будут вызывать аудиенцию во дворце.

Му Ю с крайней осторожностью взял письмо и кивнул.

В поместье Уань-гуня (маркиза Уань) атмосфера была странной: слуги передвигались по коридорам почти неслышно, боясь потревожить хозяев.

— Отец, мать, может, мне прямо сейчас поехать в деревню семьи Сюй и привезти А Цина назад? — Сюй Сянчжи, одетый в домашнюю одежду, говорил с лёгким волнением.

Госпожа Су с силой ударила по столу:

— Ты его привезёшь? Да откуда ты его везти собрался? Это он сам настоял, чтобы поехал в деревню. А теперь, как только всё устроилось — взял да и убежал обратно!

— Не спеши. А Цин, этот проказник, не из тех, кто ведёт себя безответственно. Он ведь писал, что его кто-то сопроводил до столицы. Может, он уже вот-вот будет здесь, — успокаивал жену Уань-гунь, удерживая её ладонь в своей. — Рука болит от удара? Давай разотру, родная...

Сюй Сянчжи, наблюдая за публичным проявлением чувств родителей, едва сдержался, чтобы не закатить глаза. Он даже стал отчаянно надеяться, что А Цин вернётся поскорее — хотя бы тогда у него будет кто-то, с кем можно будет делить это ежедневное мучение.

Гнев госпожи Су улетучился после пары слов мужа — грубоватого, но ласкового. В этот момент во двор робко вошёл слуга:

— Господин, госпожа, снаружи просится человек.

— Кто ещё? Скажи, что сейчас принимать гостей неудобно, — Уань-гунь был целиком занят тем, чтобы задобрить жену, и не хотел отвлекаться на посторонних.

Слуга замялся:

— Он... он говорит, что пришёл передать письмо от нашего молодого господина.

— Письмо от А Цина? — выражение лица госпожи Су резко изменилось. — Скорее зови его сюда!

— Слушаюсь! — слуга мигом выбежал из комнаты.

Письмо принёс Вэнь Цзин. Он подождал немного у ворот поместья Уань, прежде чем его пригласили внутрь.

Вэнь Цзин бывал в этом поместье уже не раз — обычно от имени императора, зачитывая указы. Но сегодня он впервые пришёл в гражданском, да ещё и с письмом от будущей... «императрицы».

Юный господин, конечно, был тугодумом, но Вэнь Цзин ясно видел: их император — чистый, как весенний ветер, светлый, как лунный свет — испытывает к нему глубокую личную привязанность и явно не хочет отпускать его из дворца. Однако по какой-то причине, сам император не торопился переступить невидимую грань между ними.

Вэнь Цзин не понимал, почему, но был достаточно разумен, чтобы лишнего не спрашивать. Если он мог хоть как-то помочь сблизить их двоих — он это сделает.

— Прошу вас, гость, — слуга провёл Вэнь Цзина до кабинета.

Услышав шаги, Сюй Сянчжи поднялся, подошёл к двери, открыл её — и увидел до боли знакомую фигуру.

— Главный евнух Управления дворцового хозяйства! — Сюй Сянчжи, бывший чемпионом военных экзаменов, хоть и нечасто виделся с императором, знал в лицо Вэнь Цзина, любимого слугу Его Величества. Он и представить не мог, что доставить письмо от младшего брата пришёл сам Вэнь Цзин.

— Какой ещё главный евнух? — лениво поднял глаза Уань-гунь, видя, как его старший сын застыл в дверях.

А Вэнь Цзин тем временем уже вошёл в кабинет и учтиво поклонился:

— Вэнь Цзин приветствует господина маркиза, приветствует князя.

<http://bllate.org/book/12638/1120956>